

ТРЕНДЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Н.Ю. Сурков

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений
им. Е.М. Примакова РАН

Рецензия на книгу: Звягельская И.Д. «Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении». М.: «Аспект Пресс», 2018. 224 с.

Монография «Ближний Восток и Центральная Азия: глобальные тренды в региональном исполнении» представляет собой анализ основных тенденций развития международных отношений, политических режимов, социумов, идентичностей в двух значимых для России регионах мира. Автору удалось не просто перечислить основные тренды, но и показать их взаимосвязь, а также дать прогноз относительно их дальнейшего влияния. В издании затрагиваются такие важные вопросы, как судьба государственности, трудности защиты суверенитета, роль традиционализма на современном Востоке, истоки терроризма и экстремизма.

Ключевые слова: Ближний Восток, Центральная Азия, «арабская весна», терроризм, экстремизм, государственность, суверенитет, идентичность, гибридный конфликт, гибридный режим, традиционализм.

Монография известного международника Ирины Звягельской, специализирующейся на проблемах Ближнего Востока и Центральной Азии, посвящена современным вызовам, угрозам и возможностям, конфликтам и устойчивости, сложности поиска определений и размытости понятий. Автор, если попытаться в целом сформулировать главное содержание книги, поставил перед собой сложнейшую задачу – рассмотреть специфику отражения глобальных тенденций на уровне регионов, дать анализ сложнейших процессов, связанных с формированием регионального порядка, которые отражают как

УДК 338.1

Поступила в редакцию 20.10.2018 г.

Принята к публикации 30.11.2018 г.

специфику Ближнего Востока и Центральной Азии, так и универсальность отмеченных в книге трендов.

Книга выстроена на широком круге источников и литературы и демонстрирует умение автора ориентироваться в современных подходах и оценках. Хотя основное внимание уделено Ближнему Востоку и происходящим там событиям, тем не менее, центральноазиатская составляющая монографии заслуживает особого внимания, поскольку происходящие там процессы впервые рассматриваются под углом воздействия глобальных тенденций. Кроме того, сравнение двух регионов, связанных элементами общей мусульманской культуры, но различающихся в историческом и этническом плане, позволяет сделать вывод об универсальности многих современных процессов. Это важно и в плане изучения особенностей политических режимов, соотношения традиционности и модерна, причин революционных потрясений и возможностей устойчивого политического развития.

Книга состоит из семи глав, которые тесно связаны между собой. Например, проблематика построения государственности, формирования идентичности, защиты суверенитета или роли традиционных ценностей обсуждается не только в соответствующих специализированных главах, но и при рассмотрении причин региональной нестабильности или путей урегулирования конфликтов.

В первой главе рассматривается вопрос о государственности на Востоке. Он особенно актуален в связи с «арабской весной», которая была в значительной степени спровоцирована именно кризисом государственности. Автор рассуждает об источниках легитимности на Востоке, пытаясь разобраться, почему в ходе «арабской весны» зашатались республиканские режимы, а монархии без намека на демократию оказались гораздо устойчивее. Анализируя особенности национальных государств в арабском мире, автор справедливо отмечает, что идея «свободы» не стоит в центре общественной мысли, а либерализация рассматривается как угроза государственности в условиях слабой экономики, отсутствия гражданского общества и опыта демократического диалога (с. 18). Отмечается уязвимость «несменяемых режимов, лишь формально существовавших в рамках республик» (с. 21).

В первой главе рассматриваются особенности современной государственности в Центральной Азии, где в отличие от постколониальных государств на арабском Востоке, существовали укорененные современные институты, а распад СССР позволил перейти к независимому существованию без национально-освободительных революций. При этом поиски национальной идентичности не могли не предусматривать обращения к религии, к ценностям консервативного традиционного ареала, к традиции. Немалую роль играли и исторические мифы (с. 25), которые являются одной из универсальных составляющих национальной идентичности, нуждающейся в поисках символов в далёком прошлом. Например, финикийский период в истории Туниса, эпоха фараонов для Египта, Саманидское государство для Таджикистана или династия Тимуридов для Узбекистана.

Вторая глава посвящена ответу на вопрос о том, что представляет собой суверенитет на пространстве Ближнего Востока и Центральной Азии. И в этой связи автор обращается к теме влияния внешних сил. Отмечается, что ближневосточные государства «оказались в генетической зависимости от внешних игроков» (с. 34). Внешнее вмешательство, особенно в период холодной войны, помешало появлению региональных гегемонов, а вместо них появились центры силы, зависящие от поддержки извне. Государства с ослабленным суверенитетом являются частью политического ландшафта региона. Такое ослабление приводит к появлению большого числа негосударственных акторов. Другой тренд – десоверенизация государств региона. Автор показывает, в силу каких обстоятельств пренебрежение суверенитетом стало характерной чертой Ближнего Востока (с. 41).

При рассмотрении проблем современного Ближнего Востока невозможно обойти вниманием международный терроризм. Автор рассматривает этот феномен в третьей главе на примере запрещённой в РФ группировки ИГИЛ. Показаны обстоятельства возникновения террористического «халифата», а также рассказывается, какую роль в возникновении и укреплении этой группировки сыграли внешние силы (прежде всего, недальновидная политика США), а какую – внутренние факторы. Интерес представляет описание теологических основ идеологии ИГИЛ, а также причин популярности радикальных идей среди населения региона и особенно молодёжи. При этом автор выходит за рамки обычных рассуждений и показывает, насколько хорошо ИГИЛ вписывается в современный мир постмодерна (с. 64).

Вторая часть главы посвящена проблеме распространения джихадистских идей на пространстве Центральной Азии: социальным, культурным и экономическим причинам уязвимости этого региона. Дается характеристика ситуации с радикальным исламизмом в отдельных государствах региона, а также в Афганистане, откуда идут импульсы нестабильности.

Гибридные войны стали одной из реалий XXI в., и именно об их региональной специфике рассказывается в четвёртой главе. Автор убедительно показывает, что для арабского мира это явление не ново. Поддержка глобальными и региональными державами местных игроков, совместные операции и координация в ходе военных действий стали отличительной чертой конфликтов на Ближнем Востоке (с. 83). Из современных конфликтов, с точки зрения «гибридной» составляющей, разбираются Вторая ливанская война 2006 г. и война с ИГИЛ в Сирии и Ираке. Интересен вывод о том, что в условиях Ближнего Востока негосударственные акторы способны достичь уровня взаимного сдерживания с регулярными вооруженными силами или действовать в плотной координации с ними (с. 87).

В то же время, учитывая расплывчатость понятий, было бы желательно расширить раздел о гибридных войнах, тем более, что Ближний Восток даёт для этого достаточно материала. Примечательно, что структуры НАТО по-прежнему отказываются от чёткого определения термина «гибридная война», ссылаясь на

постоянно меняющиеся обстоятельства, и указывают лишь на характерное для подобных конфликтов сочетание военных и гражданских средств воздействия на противника [2]. Тем не менее, это явление уже стало нормой, и представляется целесообразным более подробно остановиться на данной проблеме.

В первую очередь, выглядит спорным утверждение, что в случае гибридной войны речь может идти о выполнении армией несвойственных ей функций (с. 78) по восстановлению инфраструктуры и т.п. Такое определение действительно встречается в американской военной литературе, но в современной действительности попытку включить в понятие «гибридная война» проведение операций по реконструкции или, как сейчас принято их называть, «операций по стабилизации» вряд ли можно считать оправданной.

Более обоснованным является определение Фрэнка Хоффмана, приводимое автором в начале раздела о «гибридности». В соответствии с ним, гибридная война предполагает использование хотя бы одним из противников наряду с конвенциональными средствами иррегулярных формирований, террористической тактики, криминальных групп и т.п.¹. Этот подход вполне применим к региону Ближнего Востока. В частности, считается, что за последние 30 лет Иран достиг высокого профессионализма в использовании гибридной войны для достижения своих целей. Как отмечает Мелисса Далтон из CSIS, «Иран обычно действует ниже порога конвенциональной войны, используя смесь военных и полувоенных инструментов, включающих прокси группировки, ракеты, кибер-средства, морские силы и информационные операции, чтобы влиять на региональных акторов в своих интересах». [1, p. 312]

Исходя из реалий ближневосточного региона, можно выделить несколько маркеров гибридного конфликта. В первую очередь для него характерно широкое участие иррегулярных партизанских или повстанческих формирований, так называемых «прокси». В этой роли могут выступать национально-освободительные или сецессионистские движения, оппозиционные группировки, племена, этнические и религиозные меньшинства.

Так, с середины 1980-х гг. Иран и Сирия не рисковали вступать в открытый конфликт с Израилем, но активно использовали ливанское шиитское движение «Хизбалла», чтобы оказывать постоянное военное давление на еврейское государство. Во время ирано-иракской войны 1980-1988 гг. обе стороны оказывали поддержку курдским формированиям на территории противника. В 1985 г. ливийский лидер Муаммар Каддафи вообще создал так называемое «Национальное командование арабских революционных сил», которые должны были свергнуть реакционные проамериканские режимы по всему региону. На новый уровень использование прокси вышло в 2000-е гг. Что примечательно, сами рассуждения о гибридных войнах появились у американских военных аналитиков в условиях гражданской войны в Ираке, где армии США пришлось столкнуться

¹ Hoffman F. Hybrid vs. compound war // Armed Forces Journal, October 1, 2009. [Электронный ресурс]. URL: <http://armedforcesjournal.com/hybrid-vs-compound-war/> (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

с иррегулярными формированиями, получавшими финансовую подпитку из-за рубежа. Когда в 2003 г. США свергли режим Саддама Хусейна в Ираке, эта страна стала ареной гибридного конфликта. В Ираке иранцы и сирийцы поддерживали местные группировки, чтобы американцы увязли и не помышляли о новых операциях по смене режимов (в Тегеране и Дамаске соответственно). Одновременно страны Залива спонсировали суннитских боевиков, чтобы не допустить шиитского доминирования в постсаддамовском Ираке².

Однако настоящий расцвет гибридных войн пришёлся на период «арабской весны». В этом смысле первым стал конфликт в Ливии в 2011 г., когда Катар вёл войну против режима Муаммара Каддафи руками местных ливийских революционеров. Невиданного размаха использование прокси достигло в Сирии, где с правительством и между собой сражались «клиенты» сразу нескольких региональных держав – Катара, Турции, Саудовской Аравии. Свои прокси есть в Сирии и у Ирана, который привлёк к операциям ливанскую «Хизбаллу», сформировал местное проправительственное ополчение, а также привлёк шиитов из Ирака, Афганистана, Пакистана и организовал добровольческие отряды из числа палестинцев.

Ещё один значимый маркер гибридной войны на Ближнем Востоке – активное участие спецподразделений, выполняющих диверсионно-подрывные или инструкторские задачи на территории противника. Речь идёт о тайных операциях, нередко во взаимодействии с местными инсургентами. Катарские спецподразделения были широко задействованы в ходе ливийского конфликта в 2011 г. Считается, что именно они штурмовали дворец Каддафи в Триполи. В свою очередь, Иран использует возможности Корпуса стражей исламской революции (КСИР) и спецподразделения «Кодс» во главе с Х.Сулемани. Не случайно американские санкции в отношении Ирана направлены в том числе и против КСИР. Израиль использует для борьбы с оппонентами возможности своих спецслужб³, которые, например, неоднократно обвинялись в покушениях на иранских физиков⁴.

Важной составляющей гибридной войны на Ближнем Востоке является информационное противоборство. Однако не совсем уместным представляется пример действий Израиля в ходе войны 1967 г. (с. 84-85), которую нельзя считать гибридной. С точки зрения психологических операций и операций по дезинформации, намного более показательными являются Facebook и Twitter-революции в Тунисе и Египте, многочисленные ложные сообщения об авиаударах и даже химических атаках в Сирии. Ярким примером стали постановочные

² Alterman J. Iraq and the Gulf States. The Balance of Fear // United States Institute of Peace. Special Report 189, August 2007. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.usip.org/sites/default/files/sr189.pdf> (Дата обращения 10.12.2018 г.)

³ Roblin S. How Israel Tried to Destroy Iran's Nuclear Program: Assassinate the Scientists // The National Interest [Электронный ресурс]. URL: <https://nationalinterest.org/blog/the-buzz/how-israel-tried-destroy-irans-nuclear-program-assassinate-26085> (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

⁴ Iran UN envoy says Israel behind assassinations of nuclear scientists. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.timesofisrael.com/iran-un-envoy-says-israel-behind-assassinations-of-nuclear-scientists/> (Дата обращения: 10.12.2018 г.)

съёмки вступления боевиков оппозиции в Триполи, снятые в Катаре. В целом, приходится признать, что на Ближнем Востоке крупные СМИ, такие как телеканал «Аль-Джазира», стали мощным средством воздействия на оппонентов. Киберпространство, прежде всего, социальные сети, используется для ведения пропаганды и вербовки сторонников. Практически до совершенства эту технику довели экстремисты из запрещённой в РФ группировки ИГИЛ. Впрочем, следует оговориться, информационное противоборство не является однозначным маркером гибридного конфликта. Любая война предполагает противостояние в информационной сфере, как на этапе подготовки, так и в активной фазе.

Что касается роли технологий в гибридных конфликтах, то тут следует говорить о киберугрозах. Ближний Восток стал одним из первых регионов, где были отмечены случаи успешных кибератак на компьютерные сети и объекты критической инфраструктуры. Подобный потенциал имеется у ряда стран, а также у некоторых негосударственных акторов. Наибольшую известность получили израильские атаки с применением компьютерных вирусов против иранских ядерных объектов. Последний эпизод подобного рода имел место в октябре 2018 г., когда инфраструктура и компьютерные сети ИРИ подверглись атаке даже более мощной, чем атака вируса Stuxnet в 2005 г.⁵

Гибридные конфликты на Ближнем Востоке как правило носят транснациональный характер. Участники конфликтов активно задействуют возможности различных международных террористических или криминальных группировок. Например, Катар опирался на местные ячейки «Братьев-мусульман» в ходе революционных событий в Ливии, Египте и Сирии. Доха также использовала возможности ИГИЛ для действий против правительства Б.Асада в Сирии. Финансирование подрывной деятельности или прокси в других государствах зачастую осуществляется через криминальные сети, обеспечивающие перемещение финансовых активов в обход традиционных каналов. Джозеф Шроефль и Стюарт Кауфман обращают внимание на начавшее после войны в Афганистане в 1980-е г. широкое привлечение к участию в гибридных конфликтах на Ближнем Востоке иностранных боевиков (так называемых «военных мигрантов») [3, р. 869].

Участниками гибридных конфликтов на Ближнем Востоке также зачастую становятся внешние акторы – мировые державы. В ходе ливийского кризиса 2011 г. авиация международной коалиции фактически действовала в интересах катарских и турецких прокси. С 2018 г. американские войска находятся в Сирии не только и не столько для борьбы с ИГИЛ, сколько для сдерживания Ирана. На Ближнем Востоке ареной гибридных войн как правило становится территория третьих стран, поскольку государства региона не хотят или попросту боятся предпринимать прямую агрессию (даже гибридную) друг против друга. В частности, основные столкновения между Ираном и суннитскими державами

⁵ TV report: Israel silent as Iran hit by computer virus more violent than Stuxnet. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.timesofisrael.com/tv-report-israel-silent-as-iran-hit-by-computer-virus-more-violent-than-stuxnet> (Дата обращения: 10.12.2018 г.).

(и де-факто союзным им Израилем) происходят на территории Ливана, Сирии, Йемена⁶.

Наконец, для гибридных войн на Ближнем Востоке характерно пренебрежение правилами и обычаями ведения войны. Как отмечают американские военные аналитики, гибридизация ещё сильнее подорвала авторитет законов ведения войны, к которым всё больше относятся как к ненужному анахронизму [4, р. 17]. Ситуацию усугубляет тот факт, что в ходе гибридных конфликтов боевые действия ведутся негосударственными акторами, зачастую с использованием террористической тактики. Всё это приводит к большим жертвам среди мирного населения. Резня по религиозному или этническому признаку становится нормой в таких странах, как Ирак, Сирия, Ливия.

В современных условиях гибридность, впрочем, может относиться не только к вооружённым конфликтам, но и множеству других явлений. Вторая часть главы посвящена гибридным режимам. Для Востока характерны гибридные режимы, сочетающие авторитаризм с элементами демократии. Причём соотношение авторитаризма и демократии может меняться в зависимости от ситуации в стране (с. 91). Интерес представляет идея о персоналистских режимах и «новом авторитаризме», который исходит от лидеров, получивших большинство на всеобщих выборах (с. 93). Подробно анализируются особенности гибридных режимов Центральной Азии, а также тенденции их развития в отдельных странах.

Одной из наиболее интересных глав книги является пятая, посвящённая архаизации и традиционализму. В ней автор даёт краткую характеристику политическим режимам, возникшим на волне «арабской весны». При этом показано, что попытка модернизации фактически привела к архаизации как самих обществ, так и политических систем. Архаизация при этом понимается как обращение к прошлому, в том числе относительно недавнему. Характерным примером является неонасеризм нынешнего руководства Египта. Стоит обратить внимание на проведённый в данной главе анализ роли традиционных подходов и элементов архаики в деятельности современных политических лидеров на примере Саддама Хусейна, Муаммара Каддафи и наследного принца КСА Мухаммеда бен Салмана.

В шестой главе большое внимание уделяется анализу социально-экономического фона революций и социальных выступлений. Выясняется, что революции с чётко сформулированными целями происходили не в самых бедных странах, а там, где есть хотя бы элементы анклавной модернизации (с. 139). Одной из причин арабского пробуждения также стала незавершенность процесса создания национальных государств (с. 137), что возвращает читателя к первой главе монографии. Принципиально важно, что в шестой главе разбираются не только причины революций, но и факторы устойчивости существующих режимов.

⁶ Следует оговориться, что йеменские хуситы всё чаще переносят боевые действия на территорию Саудовской Аравии.

Заключительная седьмая глава получилась самой объёмной, поскольку она посвящена международным отношениям на Ближнем Востоке и особенностям конфликтов в этом регионе. Автор отмечает, что хотя межстрановые противоречия сохраняют свою актуальность, именно внутренние противоречия являются причиной нестабильности (с. 157). Особого внимания заслуживает раздел, посвящённый традиционным идентичностям, которые в условиях внутренних конфликтов выходят на первый план (с. 172). Говоря о форматах урегулирования внутренних конфликтов, автор пишет об особенностях применения существующих подходов в условиях Ближнего Востока и описывает трудности, связанные с урегулированием ценностных конфликтов. Интерес представляет тезис о том, что региональное измерение конфликта может из проблемы превратиться в часть решения (с. 189). Следует отметить рассмотрение в качестве примера урегулирования внутреннего конфликта – процесс разрешения межтаджикского конфликта на основе раздела власти. Здесь обращает на себя внимание не только политическая основа нахождения компромисса, но и формат переговоров, в котором участвовали ООН, глобальные и региональные державы.

Основная научная ценность данной монографии состоит в том, что автор наглядно показывает механизмы, которые формируют общественно-политический облик современного Ближнего Востока и Центральной Азии. При этом важно, что автор – специалист по этим регионам, понимающий, как универсальные принципы и закономерности работают в конкретных странах и обстоятельствах. В достаточно компактном объёме рассмотрены все ключевых тренды, которые не всегда очевидны неспециалистам, либо новые измерения привычных проблем. Рецензируемое издание содержит ряд принципиально важных выводов относительно закономерностей развития международных отношений на Востоке, политических систем и обществ в целом. Автору удаётся создать у читателя целостную картину процессов, происходящих на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Монографию можно смело рекомендовать тем, кто хочет сориентироваться в процессах, идущих на Ближнем Востоке или в Центральной Азии. Особенно полезна монография Ирины Звягельской будет тем политологам и международникам, которые не имеют востоковедной подготовки, но хотят разобраться в региональной специфике.

Список литературы:

1. Dalton M. How Iran's Hybrid-War Tactics Help and Hurt It // *Bulletin of the Atomic Scientists* 73, no. 5: 312–15. Doi:10.1080/00963402.2017.1362904.
2. Hartmann U. The Evolution of the Hybrid Threat, and Resilience as a Countermeasure // *Research Division – NATO Defense College, Rome – No. 139 – September 2017*
3. Schröfl J. Hybrid Actors, Tactical Variety: Rethinking Asymmetric and Hybrid War, 2014.
4. Reeves S., Barnsby R. The New Griffin of War: Hybrid International Armed Conflicts // *Harvard International Review*, no. 3 (2013): 16.

Об авторе:

Николай Юрьевич Сурков – к.полит.н., старший научный сотрудник Сектора ближневосточных исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН. 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23.

E-mail: nsurkov77@gmail.com.

CONTEMPORARY TRENDS IN THE MIDDLE EAST AND CENTRAL ASIA

N.Y. Surkov

DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-325-333

IMEMO RAS

Abstract: Book Review: I. Zvyaglskaya Middle East and Central Asia: Global trends in regional execution. Moscow: "Aspect Press", 2018. 224 p. (In Russian)

"Middle East and Central Asia: Global trends in regional execution" is an analysis of the main trends in the development of international relations, political regimes, societies, identities in two significant regions of Russia for the world. The author managed not only to list the main trends, but also to show their interrelation, and also to give a forecast regarding their further influence. The publication addresses such important issues as the fate of statehood, the difficulties of protecting sovereignty, the role of traditionalism in the modern East, the origins of terrorism and extremism.

Key words: Middle East, Central Asia, Arab Spring, terrorism, extremism, statehood, sovereignty, identity, hybrid conflict, hybrid regime, traditionalism.

References:

1. Dalton M. How Iran's Hybrid-War Tactics Help and Hurt It. *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2017, vol. 73, no. 5, pp. 312–15. DOI: 10.1080/00963402.2017.1362904.
2. Hartmann U. *The Evolution of the Hybrid Threat and Resilience as a Countermeasure*. Research Division – NATO Defense College, Rome no. 139. September 2017.
3. Schröfl J. Hybrid Actors, Tactical Variety: Rethinking Asymmetric and Hybrid War. *Studies in Conflict & Terrorism*. 2014, vol. 37, no. 10, pp. 862-880. DOI: 10.1080/1057610X.2014.941435
4. Reeves S., Barnsby R. The New Griffin of War: Hybrid International Armed Conflicts. *Harvard International Review*. 2013, no. 3 16. <http://hir.harvard.edu/article/?a=3045>

About the author:

Nikolai Y. Surkov – Ph.D. in Political Sciences, Senior Researcher of the Middle East Studies Sector of the National Research Institute of World Economy and International Relations. E.M. Primakova (IMEMO) RAS, 117, Profsoyuznaya St., Moscow, 117997.

E-mail: nsurkov77@gmail.com.